Владимир СЕМЕНКО

ВЛАДЫКА СВЯТЫЙ

О промысле Божьем и не только...

ОН ВЫЛАМЫВАЕТСЯ из любых рамок, страшно не терпит должностных и прочих ограничений, из которых, собственно, по большей части и состоит "практическая" церковная жизнь. Видно, как в глубине души они просто бесят его. И не из-за гордыни вовсе, как многих из нас. Просто потому, что мешают работать. Можно ли это назвать "несистемностью"? В каком-то смысле, наверно, да. Как говаривал один серьёзный сотрудник ЖМП (Журнала Московской Патриархии), существовавшего в рамках Издательского отдела (где мы и познакомились с ним в начале 1990-х), "в нашем Отделе есть два отдела: само ведомство и Гоша".

Сказать, что инок Георгий (как он именовался до пострига) личность незаурядная — значит ничего не сказать. То есть оно, конечно, верно. Но никак нельзя, говоря о нём, ограничиться столь штампованной фразой. Ибо никакого колорита этой самой личности она не передаёт. То есть, вот, совсем-совсем! С ним надо соприкасаться, за версту ощущая его энергию, буквально бьющую через край.

В то время, на излёте СССР, мы, группа молодёжи, придя в редакцию (некоторые и не без полуподпольного церковно-диссидентского опыта), стремились как-то оживить работу ещё "советских церковников" (как между собой их ласково называли). Протолкнуть пару статей, своей претензией на свободное высказывание так пугавших тогда ещё вполне прочно сидевших в своих креслах "богословов в штатском", как-то постепенно поменять лицо официозного журнала — на большее мы и не рассчитывали. Все наши потуги "штатскими" успешно разрушались. Один из них как-то спросил меня, сумрачно глядя: "Это вы там… пишете?" И, попростому так, по-партийному перейдя на "ты", вдруг: "Ты на кого работаешь?" — "На Русскую православную церковь", — имея уже немалый опыт общения с разнообразными властями, не задумываясь, ответил я. "Вот и выполняй мои указания". Если бы этот богослов не изрёк ничего больше, следовало бы навсегда запомнить его как незаурядный в своем роде кадр.

В отличие от нас, наивных интеллигентов, Георгий не заморачивался такой утопией, как борьба с системой. Он просто создавал свою — естественно, не без поддержки сверху. И "штатские" в глубине души понимали: этот им не по зубам, такой орешек так просто не разгрызть. Вот именно такая "несистемность" и есть его "фирменная" черта. Сторонники теории заговора, которых, увы, немало, склонны объяснять такое качество наличием покровителей везде, где можно и где нельзя: от КГБ и олигархов до прямо уже "воров в законе". Самое интересное, что сами конспирологи, особенно либерального разлива, весьма часто не гнушаются "пилить" средства, получаемые через всякие грантоедские, связанные с Западом, фонды. (В чём нынешний владыка не был замечен никогда).

За что бы он ни брался — во всём вскоре случался у него небывалый прорыв. Поначалу, уже после пострига, став насельником Донского монастыря, он прославился в церковной среде, буквально ворвавшись на книжный рынок и быстро став лидером того сегмента его, который относится к православной тематике, чутко уловив веяние времени, своим неподражаемым чутьём прозрев не просто совершенно особую тогда востребованность православной книги, но и тот неповторимый момент, когда система уже всё разрешила, но не все ещё это поняли. Когда он вскоре стал наместником возрождаемого Сретенского монастыря, то церковный книжный рынок был быстро поделён на две части: "его" издательство — и все остальные. В оказавшиеся недолгими времена начавшегося книжного бума многие стремились зарабатывать за счёт издания книг, но получалось далеко не у всех. У него — лучше, чем у прочих. И когда за счёт заработанных немалых сумм монастырь стал возрождаться буквально на глазах, в мутноватой среде сотрапезников в рясах и их мирянской "обслуги" поползли характерные слухи насчет "патриархийной мафии". Если бы хоть кто-то из распространителей этих слухов попробовал поработать с такой же отдачей и напряжением, как он, думается мне, что желание посплетничать быстро бы поубавилось.

Как профессиональный и многолетний работник книгоиздательской сферы могу со знанием дела сказать: если бы все работали здесь так, как он, мы бы давно достигли несоизмеримо большего на ниве миссии через книгу. И до сих пор, когда книжный бум, увы, давно позади, когда "клондайк кончился", издательство Сретенского монастыря (которое он, несмотря на занятость, успевает лично курировать и определять издательские планы) остаётся эталонным: на него равняются все, и каждый почитает за честь с ним сотрудничать.

Но, разумеется, не только издательство стало делом его жизни. Возродить монастырь, построить для него загородный скит, создать образцовую семинарию, спасти гибнущий колхоз, превратив его в современное передовое предприятие — во всём он первый; во всём его энергия, адекватность и трудолюбие, вкупе с недюжинным организаторским талантом довольно быстро и с отличным качеством обеспечивают успех, решают исход очередного трудного дела, что на церковном языке зовётся "послушанием", в его (а значит, церковную) пользу. Это как раз тот случай, когда даже злобные ненавистники, сочиняющие о нём небылицы, не решаются вынуть из рукава известную краплёную карту: "дворец себе построил" и пр. Да и беснуются-то они так потому, что понимают: всё, что он делает — реально существует для Церкви. А такого либеральная душа стерпеть никак не может!

До его назначения в Сретенский монастырь, в условиях порядочной неразберихи 90-х, то, что от монастыря оставалось, было седалищем квазицерковной группировки известного модерниста, неообновленца, ныне заштатного клирика Московской епархии Георгия Кочеткова. Кочетковская "эпопея" — отдельная песня, что по ряду причин, о которых не теперь, до сих пор не допета. Когда до священноначалия стало доходить, что столь древняя и почитаемая святыня оккупирована людьми, довольно далеко отстоящими от православия, но при этом действующими, ловко маскируясь, в рамках канонической Церкви, дело зашло уже довольно далеко. Издать указ о возобновлении монастыря было нетрудно. Куда как сложнее было этот указ исполнить, выселив оттуда новоявленных "реформаторов". На прорыв был брошен самый дееспособный, кто раньше не раз уже проявлял себя. А дело было весьма деликатное. Ибо кочетковские "братчики" — люди со связями, в том числе и на Западе, и вопрос мнимого "преследования передовой общины" обсуждался порой на таком высоком международном уровне, о котором молодой иеромонах, лишь вчера возведённый в сан игумена, и помыслить не мог! "Крови" было пролито немало, или, как писали в советских учебниках, имели место "жестокие классовые битвы". Православная общественность, тогда ещё достаточно бойкая, оказала отцу Тихону посильную помощь, и вскоре началось возрождение монастыря.

Сретенский сразу стал консервативным центром, скрепляющим порой разрозненные силы людей православной Традиции, при прочной поддержке патриарха Алексия и людей из его ближайшего окружения.

Но монастырь в современном мегаполисе, каковым является Москва, — непростое дело. Особенно если иметь в виду главную цель монашества, то есть молитвенное делание. Поэтому в "один прекрасный момент" естественным образом встал вопрос о том, что нужен загородный скит, где монахи могли бы спокойно, вдали от городской суеты предаваться своим молитвенным трудам. Он и начал возводиться в Рязанской области.

Однако каждый, кто когда-либо отъезжал от Москвы не в ближнее Подмосковье, а хотя бы несколько подальше сакраментального 101-го километра, знает, что нынешний "загород" в Центральной России (впрочем, не только в Центральной) являет собой зрелище порой не из приглядных. И здесь, как и везде, оказалась настоятельно востребованной его неисчерпаемая энергия, его недюжинный талант и подкреплённое молитвой трудолюбие. Придя в совершенно развалившийся, депрессивный колхоз, где местные жили "от получки до опохмела", он за несколько лет буквально завалил окрестности, да и саму Москву высококачественной продукцией, которую здесь в таком количестве и на таком уровне давно не производили: овощами, "молочкой" и т.п.

Помнится, как-то он горячо делился со мной за чаем: "Вот, представь. Сельское хозяйство монастырю нужно? Само собой! И вот, скажем, теплица. Тянется километра на полтора. Я могу взять одного китайца и платить ему, скажем, 15 тысяч. Или десять наших. И платить им по 18 тысяч. Результат будет примерно один и тот же". — "Что, много употребляют?" — поинтересовался я. "Да какое там! Они, может, и хотели бы, да у нас за это сразу выгоняют". — "Так в чём же дело?" — "А просто у наших утерян навык крестьянского труда. Китаец встал и пошёл, как трактор, с получасовым перерывом на обед. А нашим надо отдохнуть, покурить, за трапезой посидеть. Иначе не могут. А начни их подгонять — опять ведь сорвутся! И что прикажешь делать? Всех выгнать и китайцев набрать?"

Этот бесхитростный рассказ председателя передового колхоза в Рязанской области, настоящего монаха и близкого друга ведущих писателей-"деревенщиков", лучше любой статистики и аналитических работ иллюстрирует тот факт, что возрождение крестьянства даётся ныне поистине кровавым трудовым потом. И без тихой, сокровенной молитвы сретенских монахов, насельников скита, было бы совсем невозможным. "Трудна работа Господня". Или, в другом, простонародном варианте: "Терпение и труд всё перетрут". А то, что управлять этим процессом в данном конкретном месте приходится выпускнику сценарного факультета ВГИКа, которого отец Иоанн Крестьянкин благословил на монашество, — так на то он и есть Промысел. На всё воля Божия.

По мере того, как слух о новом передовом колхозе распространялся всё шире "по всей Руси Великой", далёкие от реальной, то есть трудовой, жизни околоцерковные тусовщики начинали всё больше неуклюже шутить на тему о том, что "Тихон теперь коровам хвосты вяжет". И вновь были посрамлены. Поскольку перед будущим митрополитом открылась новая стезя — развивать и укреплять церковное образование. Для подготовки тех самых кадров, которые, по слову известного политического лидера, "решают всё". И здесь он преуспел, как и во всём, ибо Сретенская семинария за короткий срок стала одной из образцовых, всерьёз соперничая с флагманом нашего конфессионального образования — Свято-Тихоновским университетом.

Ещё одним блестящим деянием нашего владыки стало весьма символичное возведение на Большой Лубянке, на территории Сретенского монастыря великолепного Собора во имя Святых Новомучеников и Исповедников Российских, по праву считающегося ныне одним из шедевров современной нашей церковной архитектуры. И всем глубокомысленным критикам можно посоветовать лишь одно: пусто кто-нибудь возьмёт и сделает лучше.

Но плох был бы владыка Тихон, не был бы самим собой, если бы, в уже весьма зрелом возрасте, достигнув немалых успехов в собственно церковном служении, не вспомнил, что происходит он из среды той самой творческой интеллигенции, у которой с Церковью весьма часто непросто складываются отношения, и не занялся бы творчеством. И здесь, в своём обычном стиле, быстро показал, как надо работать. Сегодня, когда весьма многие только и делают, что рассуждают о миссии, он вдруг взял да и сделал, бесспорно, лучший миссионерский проект за всю новейшую, постсоветскую историю нашей Церкви. Его книгу "Несвятые святые" — простую и вместе с тем по-хорошему возвышенную апологию его монашеской alma mater, не прочёл, наверно, только самый ленивый читатель, кого и читателем-то назвать язык не повернётся. Мой более чем далекий от Церкви родственник, глубокий пенсионер, давно уже бóльшую часть времени философически проводящий в своём деревенском коттедже, как-то вдруг подарил за трапезой: "А интересно пишет твой друг Шевкунов про этих… как их… ну, подвижников". А фильм "Византия. Гибель империи" как-то сразу и неожиданно был воспринят как серьёзный фактор политической жизни.

На этом деянии владыки стоит, наверно, остановиться чуть подробнее. Сам он, вопреки тому, что о нём упорно распространяют, в общем, чужд "политики", всех этих пустопорожних разговоров о высоком, о том, как "Россию спасать", как нам двигать глобальные мировые процессы (к чему как раз очень склонна наша "диванная патриотическая тусовка"). Но тема Византии его всерьёз волнует. Можно сказать, что он как-то по-особому неравнодушно буквально зациклен на византийских темах. Это касается и истории, и искусства, и всего остального. Думается мне, это оттого, что не может здравомыслящий православный человек не видеть всей актуальности византийской темы именно для нашей сегодняшней российской жизни. Великая империя, существовавшая, считай, тысячу лет, изначально была альтернативой Западу, строила свою, параллельную христианскую цивилизацию. Её падению как государства предшествовало падение моральное, духовное, когда при последних Палеологах она, в лице своих церковных и светских элит, по сути, предала свою основу — святое православие, предала свою веру, приняв унию с Римом. Этому сопутствовало и то разложение "элит", которое сегодня бездумно-привычно мы именуем "коррупцией". Об этом и снят фильм, который по привычке поторопились объявить "заказом Кремля". Да не заказ это, а живая боль о всех нас, о том, что нас ждёт, если не усвоим уроки нашей предшественницы, Второго Рима, великой православной империи! Византия — это для нас не далёкая история. Это, в общем-то, прямо про наше сегодня!

Прямым, на сей раз позитивным, продолжением историко-документального фильма про Византию стал последний просветительский проект владыки Тихона, о котором нельзя не упомянуть, — серия интерактивных выставок "Россия: моя история", слава Богу, поддержанный светской и церковной властью. И это элементарное и такое естественное, абсолютно не ангажированное стремление к восстановлению исторической памяти, к просвещению молодежи в отношении хрестоматийных сведений о нашей собственной истории — вызвало в либеральных кругах (впрочем, не только в них) такой всплеск ярости, что пришлось в очередной раз убедиться: как бы ни кривились знатоки и прочие заинтересованные лица — попадание снова в десятку. К проекту предъявлялись претензии с самых разных сторон. Люди с "неосоветским" сознанием возмущались, что в разделе "После 1917 года" слишком много негатива. "Зачем говорить о мучениках, о репрессиях?!" — сетовали они. Другие же, напротив, остались недовольны слишком сильным, на их взгляд, "выпячиванием" достижений советского периода. Были и те, кто остался до крайности недовольным "педалированием монархической темы". (Интересно, как можно рассказывать об истории России, на протяжении многих столетий создававшейся Церковью и царями, не упоминая о ведущей роли самодержавия, православной монархии?) И мало кто (сейчас не о массовом посетителе речь) был согласен на представленное на выставках адекватное постижение реальной истории — со всеми её ужасами, подвигами и свершениями, со всеми героями, предателями и святыми. Это лишний раз убеждает: духовная трезвость, эта столь типическая черта истинного православия — весьма редкая добродетель для наших современников, чьё сознание серьёзно травмировано историческими катаклизмами последних десятилетий.

23 октября 2015 года. Оптина пустынь. Хиротония архимандрита ТИХОНА (Шевкунова) во епископа Егорьевского

Много ещё можно рассказывать о владыке Тихоне (и не только на материале личного общения), но никак нельзя обойти вниманием весьма важный вопрос. Пожалуй, ни о ком из наших церковных иерархов не распространяется столько мифов и небылиц, причём как в собственно церковной, так и во "внешней" среде: от "духовника президента" и воинствующего антисемита до "главы всей патриархийной мафии, у которого башкирская группировка на коротком поводке". Всякие пошлости вроде "митрополита всея Лубянки" и "ставленника КГБ" и повторять не хочется. В чём же здесь дело? Почему человеку, который больше жизни любит монашество и монастырь как непонятный внешним жизненный феномен, сделавшему всё, чтобы избежать мешающих делать реальное дело высоких назначений, упорно приписывается интриганство, моральная нечистоплотность, некие "подкреплённые Кремлем" претензии на власть? Должна же быть какая-то разгадка, причём довольно простая?

Думается, что в нашем простом и правдивом рассказе нам отчасти удалось как-то её наметить. Новопоставленный митрополит — человек дела, и как таковой он как раз более чем далек от сферы, так сказать, "чистой" политики, понятой как пронырливое, грязное и себялюбивое политиканство. Но он не просто человек дела. Он ещё просто хороший монах. В чём, собственно, сколь бы странным это кому-то ни казалось, и заключается простое и понятное объяснение его постоянных успехов и незаурядных деловых качеств. А это по нынешним временам немалая редкость.

Это именно то, что недоступно тем, кто никогда не соприкасался с монастырём, с реальностью монашеской жизни, где феномен православия только и постигается во всей полноте. Я как паломник прожил в монастыре очень недолго, всего несколько недель. Но если я имею какие-то жалкие крупицы подлинной веры и опытного постижения феномена Церкви, то это именно благодаря этим благословенным дням. И потому всей душой я понимаю владыку, который, в отличие от нас, погружённых в мирскую суету, является человеком монастыря в собственном смысле: чем бы он ни занимался, какое бы дело ни делал, всегда ощущает себя в этой сокровенной духовной реальности, а её — в себе, что удесятеряет силы, делает возможным любые свершения:

"Этот мир, полный радости и света, жил по своим, совершенно особым законам. Здесь помощь Божия являлась именно тогда, когда это становилось действительно необходимым. Богатство было смешно, а смирение — прекрасно. Здесь великие праведники искренне признавали себя ниже и хуже всякого человека. Здесь самыми почитаемыми были те, кто убегал от человеческой славы. А самыми могущественными — кто от всего сердца осознал своё человеческое бессилие. Здесь сила таилась в немощных старцах, и иногда быть старым и больным было лучше, чем молодым и здоровым. Здесь юные без сожаления оставляли обычные для их сверстников удовольствия, чтобы только не покидать этот мир, без которого они уже не могли жить. Здесь смерть каждого становилась уроком для всех, а конец земной жизни — только началом" ("Несвятые святые").

Кто-то понимает успех по-мирски и думает, что его исток — чисто человеческое умение и интрига. А для человека Церкви исток подлинного "успеха", то есть преуспеяния перед Лицом Божиим — смирение и послушание, предание своей воли духовному отцу, по вере, что через него, умудрённого искусством духовной жизни, пребывания в Боге и с Богом — Сам Господь преподаёт Свою неизреченную волю. О каком успехе в каких мирских делах думал инок Георгий, когда, всей душой желая стать монахом, терпел до пострига, беспрекословно слушаясь своего духовного наставника, отца Иоанна (Крестьянкина), говорившего, что "ещё не время"? И сегодня, когда традиция поставления на архиерейскую должность людей, совсем не знающих монашеской жизни, не прошедших монастырь, необходимый круг послушаний, у нас, к сожалению, доминирует, продвижение в митрополиты ученика Псково-Печерских старцев следует признать весьма мудрым решением!

В нашей сегодняшней Церкви достаточно ну очень благочестивых людей, в глубине души почитающих любое практическое дело недостойной их, таких высоких молитвенников, скверной. Польза от этих молитвенников, вместо реального духовного подвига ищущих везде всякие страшные заговоры, весьма сомнительна. Есть и прожжённые, сугубо "деловые" отцы и, конечно, миряне, совсем далёкие от какого-либо духовного настроя, подлинно молитвенного духа. Есть, конечно, и настоящие подвижники, для которых высокая, углублённая молитва — их сугубое призвание. Есть незаурядные администраторы. Но, по мере отрыва весьма многих от подлинной духовной традиции, по мере недопустимого обмірщения церковных институтов, всё меньше людей гармоничных, в которых то, что, апеллируя к известному эпизоду в Евангелии, называют служением Марфы и Марии, находилось бы в состоянии разумного равновесия, причём одно подкрепляло бы другое. Владыка Тихон — один из таких людей. Враги Церкви порой лучше нас понимают всё значение этого редкостного типа, понимают, что если он начнет доминировать в Церкви, это может стать основой её подлинного возрождения, а за ней — и всей не раз уже заочно похороненной ими России. А это для них совершенно страшное дело.

Его недавнее назначение на Псковскую митрополию вновь, в привычном уже для нас ключе, породило море всевозможных слухов и предположений. Одни поторопились объявить, что "вопрос о преемнике ныне действующего патриарха практически решён". Другие, напротив, восприняли кадровое решение Синода как почётную ссылку для владыки. Думается, однако, что и те и другие неправы, ибо совершенно не церковно воспринимают ситуацию в привычных для себя терминах политиканства, низкопробной политической интриги. А церковная жизнь (вот неожиданность!) к ней вовсе не сводится. Скажу ещё проще (для особо одарённых): это не интрига, это — жизнь. Вы думаете, что в Церкви всеми руководит борьба за власть? Чаще всего всё гораздо прозаичнее. Его снова кинули в "узкое место", кинули на прорыв, в довольно-таки депрессивную митрополию. Почти как тот колхоз. Быть может, в надежде, что всё будет как всегда. И откуда-то странно-волшебным образом вдруг, в условиях очередного кризиса, возьмутся люди, деньги, техника и подвижники. И, на фоне бегающих по поверхности истории интриганов, Человек Дела вновь проявит себя. Оправдаются ли эти надежды, теперь зависит от него и от Бога. Ну и от нас, от нашей молитвы, конечно. Ибо каждый человек Церкви знает: Бог откликается на наш зов не после, а в тот самый момент, когда мы с чистой душой и открытым сердцем взываем к Нему за помощью. И тогда наши силы умножаются многократно, чтобы сделать Его, Божье дело. И вновь более чем уместно вспоминаются очень точные слова из самой популярной православной книги, написанной нашим современником:

"В часы, когда тягучее уныние подкрадывается и хочет заполнить душу, когда то же происходит с близкими мне людьми, я вспоминаю события, связанные с чудным Промыслом Божиим. Один подвижник как-то сказал, что всякий православный христианин может поведать своё Евангелие, свою радостную Весть о встрече с Богом. Конечно, никто не сравнивает такие свидетельства с книгами апостолов, своими глазами видевших Сына Божия, жившего на Земле. И всё же мы, хоть и немощные, грешные, но Его ученики, и нет на свете ничего более прекрасного, чем созерцание поразительных действий Промысла Спасителя о нашем мире" ("Несвятые святые").

Благословите, владыко святый! В добрый путь!

Битва За ИСТОРИЮ

В ИЮНЕ 1492 ГОДА по приказу Ивана III, напротив Ливонской Нарвы, архитекторы Владимир Торокан и Маркус Грек заложили крепость Ивангород. Есть две причины почтить эту дату:

Первая. Ивангород — важнейшая крепость допетровской России.

Вторая. Год основания! 1492-й по исчислению "от Сотворения мира" был 7000-м. Церковь вела единственный тогда Календарь, и Пасхалии были рассчитаны только до 7000 года, плюс по рукописям гуляла приписка: "Сие лето на конце явися, в оньже чаем всемирное торжество пришествие Твое".

1492 год дал много интересного: вместо конца Этого Света, европейцам вдруг открывается: другой Свет, "Новый"! А у "новооткрытых" Колумбом индейцев начинается и вправду Конец Света: знаменитый геноцид.

Наш сюжет — иной. В 1493 г. архиепископ Геннадий Новгородский составил новую пасхалию, а тогда, весной 1492-го, в ожидании "Конца Света" местами даже рожь не сеяли! Но настоящий первый русский царь Иван III повелел, и… перефразируя Рейгана: "Есть вещи пострашнее Конца Света". Поучителен пример: приказ — выше всех слухов и страхов. Первая цитадель, "Детинец" была закончена 22 августа 1492 г.!

Во дни Великого Поста 1558 г.: "Их милость немцы, великомощные и гордые, сами себе новое изобредшие, нарекшиеся евангелики (протестанты. — **И.Ш.**), в начале дня ужравшися и упившися, стреляти на место русское начаша и побиша люда немало християнского с женами и детками и пролиша кровь християнскую в такие великие и святые дни. А на Ивангороде воевода, не смеючи без царева приказа перемирие нарушить, дал до Москвы знати.."

Приказ "палить по Нарве из всего наряду" был получен. 11 мая 1558 г. воеводы Алексей Басманов, Пётр Сабелинский и Данило Адашев с самой высокой башни "Государево око" наблюдали за нарвским пожаром, в три часа дня решились на штурм. Переправившись "кто на лодках, кто на досках, кто на воротех от домов через Нарову", ворвались в горящий город, захватили пушки, повернули на замок. Командовавший обороной фогт Эрнст фон Шнелленберг сдался. Началась Ливонская война.

Иван Выродков, инженер, отличившийся ещё под Казанью, своим блочно-сборочным методом понастроил в устье Наровы причалы, склады и руганы (крепостица, по-немецки: блокгауз). И в русскую Нарву, несмотря на продолжавшуюся войну и пиратство (в основном, кто б мог подумать — польское!) пошли суда Англии, Франции, Испании, Дании. 130 кораблей ежегодно (в Северную войну на такой уровень грузооборота новопостроенный Санкт-Петербург выходил много лет)!

Ивангород — исторический узел, главный пункт усилий Ивана III, Ивана IV, Петра I. Важнейшие точки Северной войны: первое невзятие, разгром под Нарвой 1700 г., и полный реванш в 1704-м. В "лихих" 1990-х Ивангород — "герой" новостей: единственная европейская территория России, на которую тогда претендовало соседнее государство…

Границы после Гражданской войны прокладывали весело: финскую провели на расстоянии выстрела от Петрограда, Эстонии отдали русский Ивангород — при том, что во время русского освоения Прибалтики, строительства в 1030-м году князем Ярославом Юрьева (позже: Дерпт, Тарту), не было не только государств Финляндии, Эстонии, Латвии, — не было и соответствующих "политических наций" (принимались меры к тому чтоб они никогда и не возникли: аборигенскому населению запрещалось даже ночевать в городах, если это не прислуга в немецких, шведских, датских домах и не работницы всеевропейски знаменитых "весёлых домов). После Отечественной войны границу (административную!) вернули на реку Нарову, Ивангород — в Ленинградскую область, но общая с Нарвой городская инфраструктура оставалась.

В 1944 г. немцы оставили руины Нарвы-Ивангорода с 4 (четырьмя!) уцелевшими жителями — город восстанавливали всей страной.

В 1994-м граница ещё не охранялась, и "Кайстелит", военизированные эстонские отряды, перешли реку и "вновь присоединили Ивангород", передвинув пограничные столбы ближе к деревне Комаровка, вмиг ставшей знаменитой на всю Европу. Сегодня "поход Кайстелита" вспоминать не любят, но представьте себе тогдашние будни: Ивангород, с его умершей промышленностью, должен был платить за воду, канализацию — в другое государство, и платить валютой! У населения Нарвы-Ивангорода разбросаны по разные стороны границы: дачи, места работы, школы детей, родительские кладбища… И ко всему она, ставшая вдруг государственной ещё не маркирована. Но наши люди на таких границах растут быстрее…

Первый раз я обратился к Кингисеппскому району, Ивангородскому узлу в 1995-96 гг. Глава района Вадим Анатольевич Густов уходил на повышение, в губернаторы Ленинградской области. Ещё через два года его призовёт в первые вице-премьеры страны сам Евгений Максимович Примаков. Переходя, Густов озвучил только одно личное требование: 15 миллионов рублей — закрыть очередную дыру в бюджете Ивангорода. А оставшийся тогда "на районе" Александр Юрьевич Дрозденко рассказывал мне не только о трудностях проведения российско-эстонской границы, но и о соседке Ивангорода — Усть-Луге, где начинали строить супер-порт, значимостью сравнимый с Керченским мостом и вообще: "наш выход к Балтийскому морю". Организовав России такой настоящий выход к Балтике, наладив жизнь Кингисеппа и Ивангорода, Александр Дрозденко тоже поднимется в губернаторы Ленинградской области.

Редактор "Радио России СПб" Наталья Савоцик, ивангородский учитель Елена Кармаза в 2000-х годах проводили международные фестивали "Формула Тандем", в работе которых и мне довелось поучаствовать. "Международность" достигалась участием эстонских (и не только русскоязычных) артистов, журналистов. Важным результатом стало привлечение внимания к уникуму Нарвы-Ивангорода и еще одной благороднейшей персоне нашей истории. Здесь, на знаменитых наровских водопадах, на острове Кренгольм "отец русских железных дорог и Банка России" барон А.Л. Штиглиц основал крупнейшие в Европе мануфактуры, "русский Манчестер". Здесь, на самой границе, в 25 метрах до берега Наровы в Свято-Троицкой церкви — его могила…

Игорь ШУМЕЙКО

КНИЖНЫЙ КЛУБ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ «НА КОМСОМОЛЬСКОМ ПРОСПЕКТЕ 13» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Александр ПРОХАНОВ. Гость; Покайтесь, ехидны; Русский камень; Убить колибри; Востоковед; Крым; Путин. Замковый камень Российской государственности; Путин в зеркале Изборского клуба; Холодная война 2.0.

Новый перекидной настенный цветной календарь на 2018 год с фотографиями И.В. СТАЛИНА и В.И. ЛЕНИНА.

СТАЛИН И.В. Труды 11 т. (и все предыдущие); Русская революция от октября 17-го до СССР; УСПЕНСКИЙ В. Тайный советник вождя; БЕЛЯЕВ П. Клим Ворошилов. Первый маршал страны; БОЯРИНЦЕВ В. Черные дыры Путина; БУШИН В. Пятый сезон Путина. Шоу продолжается; Ленин и революция; Письма счастливчикам-внукам; Непотопляемые и двоякодышащие; Карнавал Владимира Путина; Путин против Ленина; Бараны в бараньих шкурах; Отпор клеветникам; Выход есть; Пятая колонна из палаты № 6; Злобный навет на Великую победу; В дни торжеств народных; Маршал Жуков против потока лжи; БУХАРИН Н. Азбука коммуниста; ВЕДЕНЕЕВ Д. Разведка Судоплатова; ВЕРХОТУРОВ Д. Сталин и женщины; ВОЕВОДИНА Т. Управляемый хаос или проект закрытия России; ИВАШОВ Л. Геополитика русской цивилизации; Опрокинутый мир; Битва за Россию; Радикальная доктрина Новороссии; ГУБАРЕВ В. От сохи до ядерной дубины; ДАНЛОП Д. История хазар-иудеев; ДЖУГАШВИЛИ Е. Мой дед — Иосиф Сталин; ДЕЛЯГИН М. Светочи тьмы; ДИКИЙ А. Неизвращенная история Украины и Руси; ЕМЕЛЬЯНОВ Ю. Троцкий. Злой гений революции; Генералиссимус Сталин; ЗАДОРНОВ М. Придумано в СССР; Вся правда о России; ИВАНОВ Л. Правда о СМЕРШе; ИЗЮМОВ Ю. Сталин не ушел в прошлое; КАЛАШНИКОВ М. Подстава для Путина; КАРА-МУРЗА С. Путин и оппозиция; Советская цивилизация; Дорога в СССР; Крах СССР; Крепостная Россия; Мысли быстрого реагирования; Порочные круги постсоветской России; КАТАСОНОВ В. Черные дыры банковской системы; Финансовый интернационал и Трамп; Китайский дракон на мировой финансовой арене; Военная сила доллара. Как защитить Россию; Россия и Запад в XXI веке; Сталинский ответ на санкции Запада; КАСТРО Ф. Размышление Команданте; КИССИНДЖЕР Г. Мировой порядок; Понять Путина. Политика здравого смысла; КОЗИНКИН О. Тайна трагедии 22 июня: Внезапности не было; Тайна трагедии 22 июня: Первый день войны; Защита Сталина; КОЗИНЦЕВ А. Имитаторы. Иллюзия великой России; КОЖЕМЯКО В. Путин и СССР; Полководцы Сталина; Зоя Космодемьянская. Против потока лжи; КОЖИНОВ В. Победы и беды России; Черносотенцы и Революция; КОЛЕСНИКОВ А. ООО "Кремль". Трест, который лопнет; КОЛПАКИДИ А. Николай II. Святой или кровавый; КРАЙЗ С. Придуманный мир Путина; КРЕМЛЕВ С. Ленин и Парвус; Ленин в 1917 г.; Ленин. Дорисованный портрет; Иуды в Кремле; КУНЯЕВ С. Классика и мы. Дискуссия на века; ЛЕБЕДЕВ А. Охота на банкира; ЛЕСКОВ В. Сталин и заговор Тухачевского; МАРТЕНС Л. Другой взгляд на Сталина; МЕССИНГ В. Я — пророк без отечества; МЕДВЕДЕВ В. Грехи Брежнева и Горбачева; МИНАКОВ С. Заговор красных маршалов. Тухачевский против Сталина; МУХИН А. Чужие и свои; Красная армия. Парад побед и поражений; Навальный. Итоги; МУХИН Ю. Как не надо делать революцию; Тонкая настройка Путина; Катынское детектив; Мы бессмертны; Крестовый поход на Восток; МЮРИД Э. Русская Каморра ил Путин в окружении; ИГИЛ. Исламское государство в России; МЯСНИКОВ А. Пульс России. Переломные моменты истории; НЕМИРОВ А. Путин и Трамп. Как они поделят мир; Дональд Трамп. Провокация успеха; НАРОЧНИЦКАЯ Н. Сосредоточение России; НЕЧВОЛОДОВ А. Император Николай II; ОРЛОВА Л. О Сталине с любовью; ОСТРОВСКИЙ А. Проект "Распад СССР". Тайные пружины власти; ПАРНАЙ Н. Наш путь от "сталинского" социализма к нынешнему капитализму; ПОЛИКАРПОВ В. Мировая элита; Загадка Генри Киссинджера; Стрелков. Битва за Донбасс; Оборона Донбасса; Командарм Игорь Стрелков; ПОЛТОРАНИН К. Этническая катастрофа; ПОВОЛЯЕВ В. Жизнь и смерть генерала Шебаршина; ПОЛЯКОВ Ю. Перелетная элита; ПЛАТОНОВ О. Мифы и правда о еврейских погромах; Ритуальные убийства; Конец эпохи; ПРОКОПЕНКО И. Бывшие сестры. Разжигание ненависти к России; РЕССЛЕР Р. Путин по Фрейду. Тайное и явное; Сборник: Исповедь сталинского поколения; СВИРИДОВ Г. Музыка как судьба; СЕВЕР А. Павел судоплатов. Волкодав Сталина; Опыты Сталина с пятой колонной; СУДОПЛАТОВ П. Разведка и кремль; Хроника тайн войны и дипломатии; СУЛАКШИН В. Итоги шестилетки Путина; Измена. 90-е: власть против народа; СУХОДЕЕВ В. Сталин умел шутить; ТЕРЕЩЕНКО А. Хождение по катынским мифам; ТУРЛАЙ И. Урок отца народов Сталина и батьки Лукашенко; ТУРЧЕНКО В. Правда, которую надо знать; ФОРД Э. Народ и власть в России; За кулисами ФСБ; Путин-Крымский. Что дальше?; Масонский след Путина; ФУРСОВ А. Глобальные элиты в схватке с Россией; Вопросы борьбы в русской истории; На пороге глобального хаоса; ХОЛМОГОРОВ Е. Реванш русской истории; ЧЕЛНОКОВ А. Ксения Собчак. Проект "Против всех"; ЧЕСНОКОВА Т. Что оставит нам Путин; ЧИГИРИН И. Сталин. Болезнь и смерть; ШАМБАРОВ В. Пятая колонна и Николай II; ШАМИР И. Сирийская атака Путина; Асимметричный ответ Путину; ШЕБАРШИН Л. Воспоминания соратников; Рука Москвы; ШИРОКОРАД А. Разбомбить Европу; Большой блеф Тухачевского; ЯЗОВ Д. Ни шагу назад; Победоносец Сталин; Нашу победу не отдадим.

История, философия, культурология, актуальная политика.

Архимандрит ТИХОН (Шевкунов). С Божьей помощью возможно все; ГУБАРЕВ В. Убийство РАН. Новейшая история науки в России; ЗАНД Ш. Как и почему я перестал быть евреем; ИВАШОВ Л. Как на кресте; Я горд, что русский генерал; ИЛЮХИН В. Путин. Правда, которую лучше не знать; КУНГУРОВ С. Заговор против Путина; КУНЯЕВ С. Шляхта и мы; Жрецы и жертвы холокоста; МИКОЯН А. Сталин, каким я его знал; МОРОЗ О. Почему поставили именно Путина; Сборник: Сталин шутит; СЕРГЕЕВ А. Как жил, работал и воспитывал детей И.В. Сталин; СУХОДЕЕВ В. Сталин. Энциклопедия; ФУРСОВ А. Вперед, к победе!; Конспирация; ХОХЛОВ Н. И.В. Сталин смеется; ШАПОШНИКОВ Б. Воспоминания о службе; ШЕБАРШИН Л. Реквием по Родине; ЯЗОВ Д., КРЮЧКОВ В., ЯНАЕВ Г. ГКЧП. Был ли шанс.

Журнал "Изборский клуб" — любые номера

Все аудиозаписи и фильмы отечественного и западного производства (советская эстрада, художественные, документальные фильмы, фильмы для детей и подростков, мультфильмы) с 1930 по 1979 год выпуска ИМЕЮТСЯ В НАЛИЧИИ.

Телефоны для справок: 8 (495) 799-75-58, 8 (495) 968-10-44 (с 10 до 21 ч. ежедневно)

Адрес для писем: 119590, Москва, ул. Довженко, д. 6, "Книжный клуб Союза писателей".

e-mail: kniga-klubSP@mail.ru.